

Глава 20

Последняя соломинка

— Уходим, уходим отсюда!

Кто-то из шестерых первым развернулся и бросился бежать, остальные пятеро тут же последовали за ним.

Хэ Цинцин, хоть и открыла глаза и увидела юношу, который её поддержал, тут же, словно обожжённая солнцем, опустила голову.

Она боялась напугать его и, прикрывая лицо рукавом, повернулась, чтобы найти свою шляпу с вуалью.

В суматохе Лю Тяньхань отбросил её в сторону, толпа растоптала её, и теперь она была сломана, покрыта грязью и следами ног.

Но девушка поспешно надела её, словно утопающий, хватающийся за соломинку.

— Подождите, — услышала Хэ Цинцин голос того юноши и замерла, похолодев.

Но обращался он не к ней.

Шесть зелёных луковиц разом обернулись. Теперь Сун Цяньцзи казался им призраком среди бела дня.

— Что тебе ещё нужно? — крикнул Лю Тяньхань, пытаясь скрыть страх за показной резкостью.

— Я хочу спросить, ваш ректор знает, что вы творите? Ему всё равно?

Голос говорившего был всё таким же холодным, но уже без прежней мягкости.

Хэ Цинцин, глядя из-под грязной вуали, вдруг почувствовала, как защипало в глазах.

«Странно, я ведь так давно не плакала»

— Даже если ректору всё равно, Цзы Е Вэньшу разве нет? Он тоже вам не указ?

Когда соседский мальчишка, играя в мяч, пачкает стену твоего дома, ты не станешь бить ребёнка, а скорее спросишь: «А где твои родители? Они что, за тобой не следят?».

В прошлой жизни Сун Цяньцзи видел в них лишь забавных комедиантов; теперь же они казались ему просто невоспитанными детьми.

Но шестеро восприняли это как страшное оскорбление и, трясаясь от гнева, указали на него пальцами:

— Наглец! Как ты смеешь называть проктора по имени!

— Ты со своим статусом никогда не сможешь даже увидеть проктора! Не думай, что можешь нам угрожать!

— Ладно, возвращайтесь, — сказал Сун Цяньцзи.

Шестеро, словно получив помилование, сломя голову бросились прочь и исчезли в конце цветочной тропы.

— Ты научилась? — обернулся к девушке Сун Цяньцзи.

— Чему... чему научилась? — прошептала Хэ Цинцин, её голос был едва слышен, как писк комара.

Она не знала, почему не ушла, и не ожидала, что этот юноша заговорит с ней. Она растерялась и чувствовала себя ужасно неловко.

— В следующий раз, когда такое случится, сделай, как я, и задай те два вопроса.

Сказав это, Сун Цяньцзи вернулся к себе.

Хэ Цинцин осталась стоять в оцепенении.

«Он что, заступился за меня?»

Мэн Хэцзэ не выдержал и подошёл к ней.

Хотя это была чужая школа и чужие дела, в которых он совершенно не разбирался, но, видя несправедливость, он не мог пройти мимо.

— Они всегда так с тобой обращаются? — спросил он.

Хэ Цинцин молчала.

— Они заставляют тебя приходить, и ты приходишь? Ты не можешь сопротивляться?

Хэ Цинцин отступила на два шага, напуганная его напором, и по-прежнему молчала.

Если бы она сегодня не пришла, её положение стало бы ещё хуже.

— Я слышал, что в Академии «Зелёный Утёс» строгие правила. Они издеваются над соученицей, почему ты не расскажешь наставникам?

Хэ Цинцин покачала головой. Она никогда не «жаловалась» наставникам или старшим ученикам.

Единственное, что она умела — это терпеть все несправедливости, которые обрушивала на неё судьба.

С тех пор, как её спасли из дьявольской пещеры и отправили в Академию, она привыкла терпеть. Это был её способ выживания, в который она свято верила.

Мэн Хэцзэ, не добившись от неё ни слова, в гневе на её покорность махнул рукой и вошёл во двор.

Солнце медленно скрылось за горами.

На небе одна за другой зажигались звёзды.

Сун Цяньцзи с лейкой в руках, при последних лучах заката, поливал каждый овощ, каждый цветок.

Он смутно ощущал жизненную силу растений, понимая, сколько им нужно воды и хватает ли питательных веществ.

Мэн Хэцзэ под перголой одной рукой отрабатывал движения меча, но боялся повредить саженцы и не смел использовать ни капли духовной энергии.

— Старший брат Сун, как думаешь, я смогу победить в показательном поединке?

— Победа не главное.

— А что главное?

— Чтобы было красиво, — сказал Сун Цяньцзи. — Бей красиво, и этого достаточно.

— Как это — красиво?

— Движения должны быть плавными, удары точными, раны — маленькими и глубокими, а не кровавым месивом. Зрелище должно быть приятным, без подлых приёмов. Не волнуйся, у тебя с твоей внешностью уже есть преимущество.

«Так ты всё-таки не слепой к красоте, — подумал Мэн Хэцзэ, — просто не судишь женщин по внешности. Юноши все падки на красоту. Как мне достичь такого же уровня просветления, как у старшего брата Суна?»

— Старший брат Сун, вот сегодняшние семена, — Чжоу Сяюнь постучала и вошла во двор, положив на каменный стол три мешочка для хранения.

У Сун Цяньцзи уже было достаточно семян, чтобы после ухода с горы освоить целую пустошь. Но ученики внешней школы продолжали усердно собирать их для него.

Чжоу Сяюнь, оставив семена, не уходила. Поколебавшись, она наконец спросила:

— Та младшая сестра из Академии „Зелёный Утёс“... она страдает от какой-то ужасной болезни?

Она чувствовала, что её реакция днём была чрезмерной, но не знала, как это исправить.

Сун Цяньцзи покачал головой:

— Некоторые демонические практики используют плоть и кровь живых людей для взращивания ядовитых гу. Со временем внешность „сосуда“ меняется, и даже если гу удаётся извлечь и сохранить жизнь, лицо восстановить очень трудно.

Чжоу Сяюнь ахнула:

— Какая она несчастная.

Мэн Хэцзэ холодно хмыкнул:

— Шесть Мудрецов с Зелёного Утёса... Мудрецы, как же.

Сказав это, он понял, что теперь тоже может, как старший брат Сун, бросать фразы в духе «то-то и оно», и почувствовал лёгкую гордость.

— Это они сами себя так назвали, — усмехнулся Сун Цяньцзи. — Ты когда-нибудь видел, чтобы Бог Меча называл себя Богом Меча, или чтобы Мудрец каллиграфии, выйдя в свет, представлялся Мудрецом каллиграфии?

Оба замотали головами, как болванчики.

— Я поняла! — воскликнула Чжоу Сяюнь. — Титул должны признать другие. А те, кто сам себя провозглашает и постоянно этим кичится, — скорее всего, пустышки!

— Можно и без «скорее всего», — сказал Сун Цяньцзи.

В Академии «Зелёный Утёс» было полно великих учёных и мудрецов, и никто из них не смел претендовать на звание «мудреца». Лишь отпрыски богатых семей, которых отправили туда ради престижа, не боясь насмешек за спиной, развлекались, восхваляя друг друга и называя себя «Шестью Мудрецами».

Если бы это были действительно важные персоны, высшее руководство школы Хуавэй, даже будучи по уши в делах, не отправило бы встречать их обычных дьяконов.

— Возвращайтесь, мне нужно смотреть на звёзды, — сказал Сун Цяньцзи.

Он знал, что на самом деле это Мэн Хэцзэ был по уши в делах: помимо работы, он ещё и готовил для него еду и заваривал чай.

Ради показательного поединка он тренировался днём и ночью. Но если попросить его не готовить лапшу, чтобы сэкономить время, он обидится, словно его оскорбили до глубины души.

Они попрощались, и во дворе снова воцарилась тишина. Сун Цяньцзи развалился в шезлонге и устремил взгляд в ночное небо.

За исключением визита шести зелёных луковиц, день прошёл идеально: он усердно работал на земле, вкусно поел и теперь созерцал звёзды.

Лёгкий ветерок доносил ароматы цветов, свежей травы и влажной земли.

Сун Цяньцзи был очень доволен.

Пока не услышал плач.

Жалобный, тоскливый, он доносился с ночным ветром из-за ограды.

Сун Цяньцзи слегка нахмурился и прислушался.

Это та девушка, что была здесь вечером. Она вернулась.

Сун Цяньцзи закрыл глаза, но плач становился только отчётливее.

Он встал и открыл ворота.

Если бы к нему явились какие-нибудь головорезы, чтобы устроить погром, у Сун Цяньцзи нашлась бы тысяча способов заставить их исчезнуть.

Но Хэ Цинцин просто сидела на корточках у ворот и, уткнувшись лицом в колени, тихо всхлипывала.

Его три куста бальзамина от этого плача совсем поникли, их лепестки дрожали на вечернем ветру.

Саженцы фасоли тоже повесили головы, их листья уныло впитывали лунный свет.

У них ведь тоже есть чувства. Разве они заслужили такое обращение? Сун Цяньцзи смотрел на это, и его сердце сжималось от боли.

— О чём ты плачешь? — спросил он.

Хэ Цинцин вздрогнула от звука открывающихся ворот и отшатнулась назад.

Сун Цяньцзи схватил её за руку:

— Осторожно!

Цветы и овощи ни в чём не виноваты, осторожнее, не растопчи!

Хэ Цинцин не ожидала, что он коснётся её, и от напряжения затаила дыхание.

Тот же лёгкий аромат глицинии окутал её.

Голова закружилась. Только когда Сун Цяньцзи отпустил её руку, она пришла в себя, вернувшись в реальный мир.

— П-простите, — тихо прошептала девушка.

Она сменила вуаль, но даже в ночной темноте её лицо было плотно закрыто.

— Почему ты плачешь здесь?

Сун Цяньцзи хотел сказать: «Можешь поплакать в другом месте?».

Но Хэ Цинцин замерла, решив, что он спрашивает о причине.

Никто никогда не спрашивал её. Никто никогда не интересовался её бедами.

Натянутая до предела струна лопнула, и подавленные эмоции хлынули наружу.

Девушка, почти не заботясь о связности речи, выплеснула всё, что накопилось:

— Моя цитра... они её сломали. Без цитры я не смогу попасть на Изыщное Собрание «Достичь известности». Всё кончено, всё кончено...

Она никогда никому не жаловалась, и слова её были сбивчивыми.

Сун Цяньцзи слушал некоторое время и наконец понял.

Она возлагала на испытание игры на цитре на Изыщном Собрании «Достичь известности» последние надежды, видя в нём шанс изменить свою жизнь.

И теперь у неё не было цитры.

Сколько бы верблюд ни боролся в пустыне, последняя соломинка всё же сломала ему спину.

— Ты можете купить новую.

— Это невозможно. Та цитра — всё, что у меня было.

Сун Цяньцзи хотел сказать:

«Дело ведь только в деньгах, я дам тебе денег, иди и купи. Мы с тобой едва знакомы, у нас нет ни дружбы, ни вражды. Не плачь у моих грядок, не мешай моему пути земледельца»

Он пошарил по карманам — там было пусто.

Он вдруг осознал, что с момента своего перерождения ничего не производил, жил нахлебником, и ему стало немного неловко.

— Это не проблема, — сказал Сун Цяньцзи.

Когда он снова вышел, в руках у него был меч.

Длинный меч был старым, но для ученика внешней школы Хуавэй считался хорошим оружием.

— Ты... ты! — в ужасе прошептала Хэ Цинцин, вся дрожа.

Но затем, стиснув зубы, она произнесла самые отчётливые и связные слова за весь вечер:

— Хочешь убить — убивай! С меня хватит. Кто в этом мире вообще хочет жить! Я давно должна была умереть. Я лучше умру от руки такого человека, как ты!

Голос её срывался от отчаяния.

— ...Подожди меня здесь. Мне нужно отлучиться.

Хэ Цинцин растерянно смотрела на него.

Он сделал два шага, обернулся и добавил:

— И не двигайся с места.

Увидев, что она села на порог, сжавшись в комок и держась на расстоянии от бамбуковой изгороди, он удовлетворённо ушёл.

Всего лишь купить цитру. Неужели взрослого человека может остановить отсутствие нескольких духовных камней?

Хэ Цинцин сидела на корточках в ночном ветру, глядя на удаляющийся стройный силуэт юноши.

Он шёл по тропинке, пока не слился с усыпанным звёздами ночным небом и не исчез из виду.

«Наверное, это всё неправда, — подумала она. — Просто сон»

<http://bllate.org/book/16982/1585311>